

Фэн Цяньсюэ молча уставился на него.

Се Жэнь тут же отступил на шаг:

— Перестань так глядеть! Сейчас я достану мокрый платок и всё вытру!

Благодаря кинжалу Чуньцзянь расходовать воду из бурдюка не пришлось: Се Жэнь сгустил из холодного воздуха немного инея и снега, остудив и смочив платок.

— Держи.

Фэн Цяньсюэ вытер лицо и только тогда спросил:

— Зачем ты меня трогал?

Се Жэнь ответил не думая:

— Да просто мне показалось, что ты такой белый.

Фэн Цяньсюэ лишь изогнул бровь.

Се Жэнь беззаботно повалился обратно:

— Ну, я дальше спать.

Фэн Цяньсюэ, всё ещё недовольный тем, что его ни с того ни с сего разбудили, прикоснувшись к нему, больно щипнул его за бок:

— Не смей спать.

— Ай! — возопил Се Жэнь.

Фэн Цяньсюэ без лишних слов впихнул ему в руки увесистую, точно кирпич, «Сутру очищения сердца и постижения Дао»:

— Время пришло. Читай!

Се Жэнь состряпал плаксивую мину:

— Почему я должен читать даже в дороге?

— А почему в дороге можно не читать? — парировал Фэн Цяньсюэ.

Се Жэнь попытался побороться за свободу:

— Ну мы же все прошлые дни не читали!

— Значит, ты хочешь наверстать всё за эту ночь?

У Се Жэня потемнело в глазах: «Нет, вовсе не хочу».

Он развернул книгу и против воли принялся «очищать сердце и постигать Дао» — правда, без особого усердия. Фэн Цяньсюэ остался сидеть рядом. Ночь выдалась холодной, поэтому они укрылись одним тонким одеялом. Се Жэнь был от природы теплым, и рядом с ним в такой стуже становилось уютно, что согревало и клонило в сон.

В этот момент на другой стороне проснулся Цуй Ванчао.

Он сонно зевнул и долго всматривался сквозь пляшущие языки пламени, пока наконец не разглядел, что Се Жэнь вроде как читает вместе с Фэн Цяньсюэ.

Юноши в их возрасте нередко тайком собирались по ночам, чтобы полистать какую-нибудь интересную книжицу. Цуй Ванчао и сам этим грешил, а потому, вспомнив, как Фэн Цяньсюэ упоминал запретную книгу «Хуа иньпин», мысленно ухмыльнулся: «Пусть ты и талантлив, пусть разишь демонов во снах, но неужели и ты попался на чтении книжонок? Ну берегись, сейчас я схвачу вас с поличным!»

Он поднялся и, воровски крадучись, двинулся к ним.

Се Жэнь уже совсем отключался. Хотя он и услышал тихий шорох шагов, но решил, что тот просто встал по нужде, и не стал обворачиваться. Фэн Цяньсюэ к тому времени снова заснул; плечо Се Жэня пригналось ему как раз по росту, и опираться на него было весьма удобно.

И вот в этой тихой, теплой обстановке Цуй Ванчао внезапно как рявкнет:

— Вы что это тут читаете?!

Цзинь Хун вздрогнул, мгновенно подскочил и с громким лязгом выхватил клинок из ножен, решив, что на них напала нечисть!

Фэн Цяньсюэ тоже в испуге распахнул глаза.

Се Жэнь обнял его за плечи, успокаивающе похлопал и сердито задрал голову:

— Цуй Ванчао, ты совсем из ума выжил? Чего расшумелся?!

Цуй Ванчао вырвал книгу из его рук!

Глянул!

«Сутра очищения сердца и постижения Дао»!

Цуй Ванчао опешил.

Цзинь Хун, подоспевший с обнаженным мечом, опустил взгляд на книгу и недоуменно спросил:

— Что произошло?

Цуй Ванчао был настолько сражен, что его голос перехватило, точно в горле застряла кость:

— Вы... почему вы среди ночи читаете *это*?!

Се Жэнь примерно догадался о его мыслях. Посмеиваясь про себя, он откашлялся и принял праведно-возвышенный вид:

— Постигать Дао, разумеется, следует в глубокой ночи, когда кругом царит тишина. А ты думал, что я должен читать посреди ночи? Или ты прибежал сюда в таком возбуждении только потому, что надеялся увидеть у меня какую-нибудь непотребную дрянь?

От этих слов Цуй Ванчао сник, но в душе его закипела досада. Ну и ну, Се Жэнь! Все кругом

говорят, будто ты не любишь учиться и держишься лишь за счет врожденного таланта, а на деле всё враньё! Днём ты прогуливаешь уроки, бьёшь баклуши и дерёшься, а по ночам при свече зубришь «Сутру очищения сердца и постижения Дао», да ещё с таким самозабвением! Какое лицемерие!

Цзинь Хун про себя подумал, что эти двое его когда-нибудь до инфаркта доведут.

Фэн Цяньсюэ нахмурился:

— Цуй Ланчао.

Ему снился отличный сон. Снилось, как он вместе с Се Жэнем вернулся в бессмертную обитель Циньай. Они сидели под деревом и сочиняли стихи, и вдохновение лилось рекой: сначала про большое-большое дерево, затем про большую-большую глыбу льда, одно стихотворение за другим, пока рисовая бумага, словно снежные хлопья, не покрыла весь газон.

Се Жэнь во сне выглядел очень счастливым. Он бережно подбирал листы со стихами и только повернулся, чтобы что-то сказать, как вдруг ниоткуда выскочил человек с неразличимым лицом и как заорёт: «Вы что это тут читаете?!»

И сон мгновенно рассыпался, а подобные снегу стихи растаяли без следа.

Цуй Ванчао настороженно отступил на два шага:

— А?

Фэн Цяньсюэ произнес:

— Ты слишком шумишь.

Цуй Ванчао застыл.

Он тихонько прошмыгнул за спину Цзинь Хуна, чтобы не получить по шее или не лишиться очередного ценного добра — судя по тому, насколько непоколебимо держались эти двое, даже его меч Фупин на поясе казался в опасности. Может, лучше вообще вернуться домой, а не идти на эту гору Тешань?

Фэн Цяньсюэ больше не обращал на него внимания. Накинув одеяло, он снова прикрыл глаза. Цуй Ванчао перевел дух, а вернувшись к костру, шепотом спросил с недоумением:

— Чего это он сегодня такой сговорчивый?

Цзинь Хун опять раздраженно вздохнул:

— Тебе что, мало досталось? И вообще, чего ты ни с того ни с сего подорвался и побежал орать?

Цуй Ванчао не мог признаться в настоящей причине. Упомянуть «Хуа иньпин» означало выставить себя дураком, поэтому он соврал:

— Я думал, они за нашей спиной снова обсуждают поход на гору Тешань, вот и хотел подкрасться и подслушать.

— И ты называешь этот осел-рик «подкрасться»? — хмыкнул Цзинь Хун.

— ...Голос немного не рассчитал, — буркнул Цуй Ванчао.

Цзинь Хун решил больше с ним не разговаривать, чтобы окончательно не испортить себе нервы.

Цуй Ванчао воспользовался паузой, поплотнее закутался в свое маленькое одеяло и поспешил притвориться спящим.

На другом конце стоянки Фэн Цяньсюэ отпил полпиалы теплого чая, и лишь тогда наваждение из сна окончательно рассеялось.

Се Жэнь помахал ладонью перед его лицом:

— О чем застыл?

— Мне снилось, что ты помогаешь мне писать стихи.

Се Жэнь придал лицу серьезное выражение:

— Вот как?

Фэн Цяньсюэ продолжил:

— Ты собрал все написанные мною стихи и только собирался что-то сказать, как нас разбудил этот крик.

Се Жэнь с полнейшей праведностью заявил:

— До чего же Цуй Ванчао невоспитанный! Надо же было прервать меня на самом интересном месте!

Фэн Цяньсюэ спросил:

— И что ты собирался сказать?

Се Жэнь опешил:

— А?

Фэн Цяньсюэ продолжал смотреть на него, ожидая ответа.

Се Жэнь заботливо потянул одеяло повыше, прикрыв ему подбородок, и привычным ласковым тоном успокоил:

— Конечно же, я хотел похвалить твои стихи! Кстати, а о чем они были, помнишь?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— «Какое большое дерево».

Се Жэнь расплылся в улыбке:

— Ага, так я и думал.

А про себя подумал: если ты в будущем решишь основатель клан, то название уже готово —

орден «Какое Большое Дерево»!

— Чего ты смеешься? — спросил Фэн Цяньсюэ.

— Да над твоими стихами, — Се Жэнь подсел ближе. — Спать еще хочешь? Попиши еще немного, мне осталось дочитать всего три страницы.

Фэн Цяньсюэ прислонился к его плечу, задумчиво разглядывая бескрайнее звездное небо. Через какое-то время ему стало скучно, и он спросил:

— Тебе часто снится тот сон про битву в древние времена и укрощение демонов?

— Не то чтобы часто, — Се Жэнь закрыл книгу. — Я такой человек: о чем днем думаю, то ночью и снится. Но есть один сон-исключение.

— Какой?

— Мне часто снится один одинокий город.

Город, погребенный под толстым слоем снега. Тусклое зимнее солнце, беснующийся ледяной ветер, черные тучи, собиравшиеся на горизонте в тяжелую полосу, и огромные камни, грохочущие и перекатывающиеся подобно боевым механизмам. Тёмные городские стены уходили высоко за облака, а в небе кружили и надрывно кричали десятки тысяч ворон. Вывеска у городских ворот ветхая-преветхая — до того старая, что и надпись не разобрать, того и гляди рассыплется прахом от порыва ветра.

Фэн Цяньсюэ сам видел точно такой же город, расположенный на круглый год объятых холодом Северных землях.

Он не знал, почему Се Жэнь грезит о городе Линьдун. Оставалось лишь догадываться: возможно, божественный меч Чжучжао, закаленный в крови демонов, обрел собственную память, а затем передал эти воспоминания Се Жэню.

— Из-за того, что мне постоянно снился один и тот же сон, я специально ходил в библиотеку проверять. И выяснил, что в мире заклинателей таких заснеженных одиноких городов сплошь и рядом. Есть созданные природой, есть построенные людьми, а есть и вовсе иллюзии. И все они выглядят почти одинаково — белизна до самого горизонта, которой не видно конца.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— А кто еще был в твоём сне?

Се Жэнь ответил:

— В том сне был только я да купеческий караван с бубенцами. А в самом хвосте шла девчушка с мелкими косичками.

Фэн Цяньсюэ удивился:

— Маленькая девочка?

Разве там не должен был быть владыка Яоцюэ?

Се Жэнь с улыбкой посмотрел на него:

— Что такое? Опять скажешь, что я страдаю ерундой и постоянно витаю в мечтах о девчонках? Да она совсем ребенок, лет десяти от силы.

Торговый караван, девочка с косичками...

В летописях о великой битве владыки Яоцюэ против Цзюина никаких подобных записей не было.

Фэн Цяньсюэ снова зашел в тупик. Если эти образы передал ему не дух меча Чжучжао, то откуда они вообще взялись?

<http://bllate.org/book/18374/1766298>